

Чёрное знамя анархизма

Гудмэн Пол

1968

Волна студенческого протеста в развитых странах преодолевает национальные границы, расовые различия, идеологические различия фашизма, корпоративного либерализма и коммунизма. Разумеется, чиновники капиталистических стран говорят, что агитаторы — коммунисты, а коммунисты — что они буржуазные ревизионисты. По моему мнению, в основе лежит совершенно иная политическая философия — и это анархизм.

Актуальные проблемы носят локальный характер и часто кажутся тривиальными. Беспорядки, как правило, возникают спонтанно, хотя иногда среди зарождающихся волнений появляется группа, желающая устроить драку. Запрет спектакля, увольнение преподавателя, цензура студенческого издания, непрактичность университетских курсов или неадекватность материальной базы, излишняя строгость администрации, ограничения экономической мобильности или технократическое мандаринство, высокомерное отношение к бедным, призыв студентов на несправедливую войну — все это в любой точке мира может привести к большому взрыву, закончившемуся полицией и разбитыми головами. Спонтанность, конкретность тем, тактика прямого действия — все это характерно для анархизма.

Исторически анархизм был революционной политикой квалифицированных ремесленников и фермеров, которым не нужен был начальник, рабочих опасных профессий, например, шахтёров и лесорубов, которые научились доверять друг другу, а также аристократов, которые экономически могли позволить себе быть идеалистами. Он возникает, когда система общества недостаточно нравственна, свободна и братски настроена. Студенты, скорее всего, являются анархистами, но в условиях повсеместного распространения школьного образования они составляют новый вид массы и не понимают своей позиции.

Политический анархизм редко упоминается и никогда не объясняется в прессе и на телевидении. И на Западе, и на Востоке журналисты говорят об анархии, имея в виду хаотическое восстание и бесцельное неповиновение властям; либо объединяют коммунистов и анархистов, буржуазных ревизионистов, инфантильных левых и анархистов. Освещая события во Франции, они вынуждены были различать коммунистов и анархистов, поскольку коммунистические профсоюзы быстро отреклись от студентов-анархистов, но ни одно предложение анархистов не было упомянуто,

за исключением хвастливого заявления Даниэля Кон-Бендита: «Я насмехаюсь над всеми национальными флагами!»

(Возможность анархистской революции – децентралистской, антиполицейской, антипартийной, антибюрократической, организованной на основе добровольных объединений и ставящей во главу угла стихийность низов – всегда была анафемой для марксистских коммунистов и безжалостно подавлялась. Маркс исключил анархистские профсоюзы из Международной ассоциации рабочих; Ленин и Троцкий расправились с анархистами на Украине и в Кронштадте; Сталин уничтожил их во время гражданской войны в Испании; Кастро посадил их в тюрьму на Кубе, а Гомулка – в Польше. Анархизм также не обязательно является социалистическим в смысле поддержки общей собственности. Это зависит от обстоятельств. Корпоративный капитализм, государственный капитализм и государственный коммунизм неприемлемы, потому что они загоняют людей в ловушку, эксплуатируют их и давят на них. Анархистам подходит чистый коммунизм, подразумевающий добровольный труд и свободное присвоение. Но и экономика Адама Смита в её чистом виде также является анархистской, и в своё время её так и называли; анархистское звучание имеет и аграрное представление Джефферсона о том, что человек должен достаточно контролировать своё воспроизводство, чтобы не испытывать непреодолимого давления. В основе всей анархистской мысли лежит стремление к крестьянской независимости, самоуправлению ремесленных гильдий и демократии средневековых вольных городов. Естественно, возникает вопрос, как всего этого можно достичь в современных технических и городских условиях. На мой взгляд, мы можем пойти гораздо дальше, чем думаем, если будем стремиться к порядочности и свободе, а не к иллюзорному величию и пригородному изобилию).

В этой стране, где у нас нет непрерывной анархистской традиции, молодёжь вообще почти не понимает своей тенденции. Я видел анархистский чёрный флаг только на одной демонстрации, когда 165 студентов сожгли свои призывные карточки в парке Шип Мидоу в Нью-Йорке в апреле 1967 г. – естественно, пресса обратила внимание только на претенциозно выставленные вьетконговские флаги, не имевшие никакого отношения к сжигавшим военные билеты. (А ещё на национальном съезде «Студентов за демократическое общество» в Ист-Лансинге в июне [1968 г.] наряду с красным флагом был поднят и чёрный). Недавно в Колумбийском университете красный флаг развевался с крыши. Американская молодёжь необычайно невежественна в вопросах политической истории. Разрыв поколений, их отчуждение от традиций настолько глубоки, что они не могут вспомнить правильное название того, чем они, собственно, занимаются.

Это незнание приводит к печальным последствиям для движения и ставит их в дикие противоречия. В США новые левые согласились считать себя марксистскими и говорят о захвате власти и построении социализма, хотя они решительно выступают против централизованной власти и не имеют никакой экономической теории для такого общества и технологии, как наша. Больно слышать, как студенты, отчаянно протестующие против того, что с ними обращаются как с перфокартами, тем не менее защищают маленькую красную книжечку председателя Мао; а Карл Дэвидсон, редактор *New Left Notes*, зашёл так далеко, что говорит о буржуазных гражданских свободах. В коммунистическом блоке, в отличие от латинских стран, традиция также

стирается. Например, в Чехословакии, Польше, Югославии студентов, которые хотят гражданских свобод и большей экономической свободы, называют буржуазными, хотя на самом деле им противен материализм их собственных режимов, и они стремятся к рабочему управлению, реконструкции села, уничтожению государства, к тому самому анархизму, который Маркс обещал как журавля в небе.

Хуже всего, что, не осознавая себя, студенты не видят друг в друге международное движение, хотя у них есть общий стиль, тактика и культура. А ведь есть жизненно важные цели, которые, на мой взгляд, могут быть достигнуты только благодаря огромной потенциальной силе молодёжи, действующей на международном уровне. Безусловно, в первую очередь они должны действовать согласованно, чтобы запретить ядерные бомбы Франции, Китая, России и США, иначе им не прожить свою жизнь.

Протестующие студенты являются анархистами, т.к. они находятся в исторической ситуации, единственным возможным ответом на которую является анархизм. Все годы их жизни великие державы находились в тупике холодной войны, накапливая ядерное оружие. Развивался огромный военно-промышленный комплекс, злоупотребляли технологиями, коррумпировали науку и университеты. Образование превратилось в обработку, причём на более долгие годы и в более быстром темпе. Централизованная социальная инженерия создаёт мир, предсказанный в романе Оруэлла «1984». Молодёжь, которой манипулируют ради национальных идей, в которые она не верит, отчуждается. На всех континентах наблюдается чрезмерная урбанизация, и мир движется к экологической катастрофе.

В этих условиях молодёжь отвергает авторитет, поскольку он не только аморален, но и функционально некомпетентен, что непростительно. Они считают, что сами могут сделать лучше. Они хотят упразднить национальные границы. Они не верят в Великую силу. Поскольку они готовы позволить системе развалиться, их не трогают призывы к законности и порядку. Они верят в местную власть, развитие общин, восстановление сельских районов, децентрализованную организацию, чтобы иметь право голоса. Они предпочитают более простой уровень жизни. Хотя их протесты порождают насилие, сами они склоняются к ненасилию и являются пацифистами в международной политике. Но они не доверяют процессуальным нормам управленцев и быстро прибегают к прямым действиям и гражданскому неповиновению. Все это прибавляется к общинному анархизму Кропоткина, анархизму сопротивления Малатесты, агитационному анархизму Бакунина, гильдейскому социализму Уильяма Морриса, персоналистской политики Торо.

Запутанный клубок анархистских и авторитарных идей был хорошо проиллюстрирован действиями организации «Студенты за демократическое общество», возглавившей протест в Колумбии [в 1968 г.].

Две исходные проблемы – очистить университет от военных и передать местную власть гарлемскому сообществу – были анархистскими по духу, хотя, конечно, их могли поддержать как либералы, так и марксисты. Прямые действия по ненасильственному захвату зданий были классически анархистскими.

Однако эти вопросы не были строго добросовестными, поскольку отделение S.D.S. осуществляло общенациональный план по созданию этой весной неудобств во многих учебных заведениях, используя любые удобные предлоги для нападения на

Систему. Само по себе это не было неоправданным, поскольку крупные университеты, включая Колумбийский, безусловно, являются важной частью наших военных операций, которые нужно остановить. Но формулировка S.D.S. была неприемлема. Поскольку мы пока не можем захватить все общество, давайте начнём с захвата Колумбии. Я сомневаюсь, что большинство студентов, участвовавших в акции, хотели что-то захватывать, и уверен, что они были бы столь же непокорны, если бы ими управляло руководство S.D.S., как президент и попечители Колумбии.

Когда факультет ожил и обоснованные требования студентов стали восприниматься всерьёз – при нормальном развитии событий, как это и произошло в некоторых других кампусах, студенты остались бы безнаказанными или были бы отстранены от занятий на 45 минут, S.D.S. внезапно обнаружила более глубокую цель – политизировать студентов и радикализовать профессоров путём принуждения их к конфронтации с полицией. Если придётся вызвать полицию, то люди увидят Систему голой. Поэтому руководство повысило ставки и сделало переговоры невозможными. Администрация не проявила ни достаточной твёрдости духа, чтобы принять все как есть, ни достаточного терпения, чтобы пересидеть это; она вызвала полицию, и началась неразбериха.

Если исходить из гипотезы о том, что тотальная дезорганизация – единственный способ изменить полностью коррумпированное общество, то устраивать беспорядки не обязательно неоправданно. Но концепция радикализации – это довольно самонадеянное манипулирование людьми ради их же блага. Анархистский подход – это когда люди действуют из принципа и на собственном опыте убеждаются в жестокости и несправедливости властей предрержащих, но авторитарный – когда люди используются для чьей-то стратегии. (По моему опыту, профессионал действительно становится радикалом, когда пытается честно и смело заниматься своей профессией; это то, что он знает и что его волнует, и вскоре он обнаруживает, что многое нужно менять. Во время студенческих волнений преподаватели хотя и не радикализовались до глуповатой программы «Новых левых», но они вспомнили о том, что вообще значит быть преподавателями).

В конце концов, когда четверо лидеров были отстранены от учёбы, а студенты вновь захватили здание, чтобы их поддержать, стремление S.D.S. к власти приобрело откровенно диктаторский характер. Большинство студентов проголосовало за то, чтобы уйти по собственному желанию до прихода милиции, поскольку не было смысла снова подвергаться избиениям и арестам, но руководство отмахнулось от этого голосования, поскольку оно не отражало правильной позиции, а остальные – полагаю, из животной преданности – остались и снова были арестованы.

Тем не менее, акция в Колумбии также была образцом анархизма, и в этом есть немалая заслуга тех же лидеров S.D.S. Прежде всего, она, по-видимому, остановила вытеснение малообеспеченных из университета, тогда как в течение многих лет протесты граждан (в том числе и мои) ничего не давали. Когда из-за полицейского произвола произошла успешная забастовка и занятия в колледже и на некоторых аспирантурах были прекращены на семестр, студенты быстро и эффективно договорились с благосклонными профессорами о продолжении работы. Они организовали свободный университет и привлекли в кампус целый ряд выдающихся специалистов со стороны. Группа «Студенты за реорганизацию университета» дружно отделилась

от S.D.S., чтобы посвятить себя мирному искусству и выработать приемлемые отношения с администрацией. На некоторое время, пока не вернулась полиция, в кампусе царила пасторальная атмосфера. Преподаватели и студенты общались друг с другом. Как и в Беркли после тамошних беспорядков, в Колумбии стало намного лучше.

В анархистской теории революция означает момент, когда структура власти ослабляется, чтобы могло возникнуть свободное функционирование. Цель состоит в том, чтобы открыть зоны свободы и защитить их. В сложных современных обществах, вероятно, безопаснее всего работать над этим по частям, избегая хаоса, который, как правило, приводит к диктатуре.

Для марксистов же революция означает момент, когда к власти приходит новый государственный аппарат и управляет делами по-своему. С точки зрения анархистов, это контрреволюция, поскольку появляется новая власть, которой нужно противостоять. Марксисты же настаивают на том, что постепенные изменения – это реформизм, а для предотвращения реакции необходимо захватить власть и создать сильную администрацию.

В Колумбийском университете администрация и авторитаристы из S.D.S., похоже, вступили в почти преднамеренный сговор, чтобы обострить конфликт и воплотить марксистскую теорию. Администрация была глуха к справедливым претензиям, ей не нужно было вызывать полицию, когда она это сделала, и не нужно было отстранять студентов от занятий. Она была упрямой и мстительной. Хуже того, она была мелочной. Например, во время забастовки было приказано не выключать поливальные машины весь день, портя траву, чтобы помешать студентам проводить бесплатные занятия на лужайке. Когда на митинге выступал оратор, уборщику было приказано придвинуть к тому месту шумный пылесос, чтобы заглушить выступающего. Уильям Дж. Уайтсайд, директор по эксплуатации зданий и сооружений, объяснил репортёру Times, что эти собрания с рупорами приводят к огромному количеству мусора, поэтому нам приходится выходить и убирать его. И это в университете, основанном в 1754 году.

Рассмотрим два ключевых понятия из риторики «новых левых» – демократия участия и кадры. На мой взгляд, эти понятия несовместимы, однако оба они постоянно используются одной и той же молодёжью.

Демократия участия – главная идея Порт-Хуронского заявления, основополагающего устава организации «Студенты за демократическое общество». Это призыв к тому, чтобы иметь право голоса в принятии решений, определяющих нашу жизнь, в противовес директивам сверху, социальной инженерии, корпоративной и политической централизации, отсутствующим собственникам, промыванию мозгов средствами массовой информации. По своему значению он включает в себя понятия «нет налогам без представительства», низовой популизм, городское собрание, конгрегационализм, федерализм, власть студентов, «Чёрную власть», рабочее управление, солдатскую демократию, партизанскую организацию. Это, конечно же, суть анархистского общественного устройства – добровольная федерация самоуправляемых предприятий.

В основе демократии участия лежат следующие социально-психологические предположения. Люди, реально выполняющие ту или иную функцию, как правило, лучше знают, как это должно быть сделано. По большому счёту, их свободное решение будет

эффективным, изобретательным, изящным и волевым. Будучи активными и уверенными в себе, они будут сотрудничать с другими группами с минимальной завистью, беспокойством, иррациональным насилием или потребностью доминировать.

И, как отмечал Джефферсон, только такая организация общества может совершенствоваться; мы учимся на практике, и единственный способ воспитать готовых к сотрудничеству граждан – это дать власть людям, как они есть. За исключением необычных обстоятельств, нет особой необходимости в диктаторах, деканах, полиции, заранее составленных учебных программах, навязанных расписаниях, воинской повинности, принудительных законах. Свободные люди легко договариваются между собой о приемлемых правилах работы, при необходимости прислушиваются к советам экспертов, мудро выбирают временных лидеров. Уберите власть, и наступит саморегуляция, а не хаос.

И радикальная студенческая деятельность действительно развивалась в этом направлении. Выступая против бюрократической системы социального обеспечения, студенты посвятили себя развитию местных сообществ, выступая не в роли лидеров или экспертов, а в роли катализаторов, объединяющих бедных людей, чтобы они могли осознать и решить свои собственные проблемы. В политике радикально настроенные студенты обычно считают, что не стоит тратить силы и средства на выборы далёких представителей, лучше организовать местные группы для борьбы за свои интересы.

В акциях протеста самих студентов, таких как Движение за свободу слова (F.S.M.) в Беркли, не было лидеров – за исключением телевизионных репортажей – или, скорее, были десятки временных лидеров; тем не менее, F.S.M. и другие подобные акции проходили с большой эффективностью. Даже на огромных митингах, когда десятки тысяч людей собирались за тысячи километров, как в Нью-Йорке в апреле 1967 года или в Пентагоне в октябре 1967 года, неизменным правилом было принципиальное исключение групп, независимо от того, насколько несовместимы их тенденции; несмотря на грозные предупреждения, каждая группа делала своё дело, и в целом все было достаточно хорошо. Когда требовалось принять срочные меры, как, например, при организации захваченных зданий в Колумбии или при разработке новых отношений с профессорами, спонтанная демократия срабатывала безотказно. В движении за гражданские права на Юге, как отмечал Мартин Лютер Кинг, каждый населённый пункт планировал и проводил свою собственную кампанию, а национальное руководство лишь оказывало посильную финансовую или юридическую помощь.

Обратимся теперь к кадрам. В последние несколько лет этот термин из лексикона военных полков стал преобладать в риторике новых левых, как это было в тридцатые годы в различных коммунистических сектах. (Мне кажется, что именно троцкисты придали ему политическую актуальность: Троцкий был командиром Красной Армии). Кадры или отряд – это первичная административная или тактическая единица, с помощью которой малые группы людей превращаются в социологические образования для выполнения единой воли организации, будь то армия, политическая партия, рабочая сила, профсоюз, агитационная или пропагандистская машина. В марксовом понимании это единица отчуждения от человеческой природы, и молодой Маркс, несомненно, не одобрил бы этого.

Кадр – это разрушение обычных человеческих отношений и выход за пределы личных мотивов, чтобы направить энергию на дело. Для целей агитации это иезуитская идея индоктринации и обучения небольшой группы, которая затем уходит и разрастается. Офицерский состав, дисциплина и тактика военных кадров определяются в штабах; это противоположно партизанской организации, поскольку партизаны самостоятельны, сами разрабатывают тактику, связаны личной или феодальной преданностью, поэтому это вызывает недоумение, когда поклонники Че Гевары употребляют термин «кадры». Как революционный политический метод, формирование кадров подразумевает создание тесно сплочённой заговорщической партии, которая в конечном итоге захватит систему институтов и будет осуществлять диктатуру до тех пор, пока не преобразует большинство для своей собственной доктрины и поведения. Этимологически слова «кадр» и «отряд» (squad) происходят от латинского *quadrus* – «квадрат», означающего «вписывание людей в рамки».

Очевидно, что эти коннотации совершенно не соответствуют реальным мотивам и духу молодёжи в настоящее время во всем мире. На мой взгляд, лидеры, использующие этот язык, страдают романтическим заблуждением. Молодёжь не заговорщическая, а разрушительно открытая. Например, когда молодёжь из движения сопротивления армейскому призыву вызывают в суд присяжных, адвокатам «Гражданских свобод» очень трудно заставить их воззвать к пятой поправке. Они будут жертвовать собой, им будут проламывать головы, но это должно быть по их личному разумению. Они настаивают на том, чтобы носить свою одежду, даже если это вредит связям с общественностью. Их этика даже неловко кантианская, так что обычное благоразумие и разумная казуистика считается заумью.

И я думаю, что они хотят не власти, а просто, чтобы с ними считались, чтобы они могли делать своё дело и чтобы их оставили в покое. Они действительно хотят революционных перемен, но не таким путём. Иначе как на время, в особых случаях, ими просто нельзя манипулировать, чтобы они стали ударной силой ленинистского переворота. (Мне тоже ещё никогда не удавалось научить их чему-то ещё). Если молодёжь и соглашается на акции троцкистов, Прогрессивной рабочей партии или некоторых заблуждений S.D.S., то только потому, что, по их мнению, от этих беспорядков больше пользы, чем вреда. По сравнению с высокомерием, холодной жестокостью и бесчеловечностью наших устоявшихся институтов, высокомерие, горячность и всечеловеческая глупость молодых – ничтожны.

Проблема неоленинистского крыла «новых левых» заключается в другом. Она заключается в том, что бесплодное манипулирование живой энергией и моральным пылом, направленными на политическую революцию, которой не будет и которой не должно быть, сбивает с толку частичную социальную революцию, которая вполне возможна. Это меня отталкивает – но, конечно, они должны делать это по-своему. Неаутентично заниматься развитием сообщества, чтобы политизировать людей, или использовать хороший DIY-проект как средство привлечения людей в движение. Все должно делаться ради самого себя. Удивительное мужество, проявляемое при отстаивании своих убеждений перед лицом полиции, оскорбляется, когда им манипулируют как средством радикализации. Преданность и доверие друг к другу у молодёжи необычайны, но они могут обернуться разочарованием, если она поймёт, что её обманывают. Многие из лучших представителей молодёжи прошли через это

в тридцатые годы. Но, по крайней мере, здесь нет московского золота, хотя денег ЦРУ, похоже, предостаточно и у нас, и за рубежом.

Наконец, в этом рассказе о запутанном анархизме нельзя не упомянуть о конфликте между активистами и хиппи.

Активисты жалуются, что аутсайдерство не является политичным и ничего не изменит. Наоборот, это соблазнитель, которые резко мешают формированию кадров. (Мы снова возвращаемся к теме «Религия – опиум для народа» или, может быть, «ЛСД – опиум для народа»). Конечно, в этом что-то есть, но, на мой взгляд, ожесточённость полемики “новых левых” против хиппи можно объяснить только тем, что активисты защищаются от собственных подавленных импульсов.

В самом деле, отчисленные не являются неполитичными. Когда происходит важная демонстрация, они выходят на улицу в полном составе, и их бьют вместе с остальными, хотя они не радикализируются. Со своими цветами и лозунгом «Make Love Not War» они придают демонстрации весь колорит и большую часть глубокого смысла. Одна из групп хиппи, «Диггеры», имеет полноценную экономику и организовала бесплатные магазины, пытается заниматься сельским хозяйством, чтобы быть независимой от системы и в то же время заниматься развитием общества.

Йиппи, Молодежная международная партия (которой хотелось бы быть партией), посвящает себя подрыву системы; именно они бросали долларовые купюры на пол фондовой биржи, оцепляли Центральный вокзал и пытались изгонять бесов из Пентагона с помощью заклинаний. А голландские движения «Прово», «Провотариат», менее одурманенные наркотиками, чем «Йиппи», импровизируют, чтобы сделать общество лучше, а не разрушить его; они даже выиграли выборы в Амстердаме.

С другой стороны, хиппи утверждают, что новые левые попали в ловушку Системы. Лобовая атака – это игра по правилам противника, где у человека нет шансов, а победа в любом случае будет маловероятной. Дело в том, чтобы использовать джиу-джитсу, высмеивание, «Швейкизм», ненасильственное сопротивление, обход, введение в заблуждение, подножка, соблазн, предлагая счастливые альтернативы. Сложное общество безнадежно уязвимо, и четырнадцатилетние подростки убегают и присоединяются к цыганам.

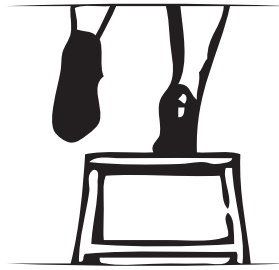
Эта критика «новых левых» вполне обоснована. Новая политика требует нового стиля, новой личности и нового образа жизни. Формировать кадры и пытаться взять власть – это старый добрый бег по кругу. Анархизм аутсайдеров часто носит вполне самоосознанный характер. Примечательно, например, слышать, как Эммет Гроган, представитель диггеров, излагает теории князя Кропоткина, основываясь на собственном опыте жизни в Хейт-Эшбери, Нижнем Ист-Сайде и охваченном беспорядками Ньюарке.

Но я думаю, что аутсайдеры нереалистичны в своей же логике. Живя среди бедняков, они повышают уровень квартплат. Пытаясь жить свободно, они обижают людей, которым хотят помочь. Иногда чернокожие и испано-американцы зверски на них ополчаются. По моим наблюдениям, общение, которое они получают с помощью наркотиков, иллюзорно, а полагаться на химические вещества в наш технологический век – это, конечно, быть в ловушке. Поскольку высокий уровень жизни развращает, они выбирают добровольную нищету, но есть и много полезных благ, на которые

они имеют право, но от которых без нужды отказываются. И зачастую они просто глупы.

Более искушённые «провос» увлеклись катастрофическим видением будущего – Нового Вавилона, общества, в котором все будут петь, заниматься любовью и своими делами, а всю работу в мире будут выполнять автоматы. Они не понимают, что в таком обществе власть будет принадлежать технократам, а сами они будут колонизированы, как индейцы в резервации. Вообще, я сомневаюсь, что можно быть свободным, иметь право голоса, жить полноценной жизнью, не занимаясь достойным трудом, не занимаясь искусством и наукой, не занимаясь профессией, не воспитывая детей, не занимаясь политикой. Игра и личные отношения – это необходимый фон, это не то, ради чего люди живут. Но, может быть, я старомодный кальвинист.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Гудмэн Пол
Чёрное знамя анархизма
1968

Скопировано 20.02.24 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=2956>
The New York Times Magazine, July 14, 1968 Перевод с английского с «*Drawing the Line
Once Again. Paul Goodman's Anarchist Writings*», 2010, PM Press.

ru.anarchistlibraries.net